

ВАСИЛИИ ГРЯЗЕВ

Лунная дорожка

РАССКАЗ

Памяти Ильи Чумака

В воскресенье перед вечером мы приехали на Сенгилеевское озеро.

Мой приятель Иван Васильевич Ситников вот уже много дней не давал мне покоя рассказами о том, как сейчас хорошо на «море Сарматском», рассказывал, какая рыба водится в нем, как она чуть ли не сама охотится за рыбаками.

Я хорошо знаю рыбаков, но все-таки не устоял от соблазна похлепать горячей ушицы при свете рыбацкого костра. Оставил все дела и поехал. Признаюсь, меня сразил последний довод Ситникова: если сами ничего не поймает, угостит ухой наш общий знакомый пенсионер, Петр Иванович. Он поселился на все лето у берега озера, построив себе фанерный домик. У него-то рыба всегда должна быть.

Петр Иванович сидел на пороге своей дачи и нисколько не обрадовался нашему появлению:

— Неподходящее время выбрали — сегодня не клюет. Вчера надо было приезжать...

Известие это опечалило Ивана Васильевича, меня — нисколько. Не клюет и пусть не клюет. Отдохнем и без ухи. Провизии на ужин с собой прихватили, а свежей рыбы завтра в магазине купить можно.

— А если все-таки попробовать закинуть удочки? — нерешительно спросил Ситников.

— Ты можешь закидывать, Иван. Но не поймает — извиняться заставлю. Как это не доверять старому рыбакову? Видишь, вон сколько таких, как ты,

— сидят? С обеда сидят и ни одного пескаррика не вытащили.

На берегу виднелись согбенные фигурки рыбаков, некоторые пытались ловить с лодки, с самодельных плотов.

Я оставил приятелей наедине — пусть себе жалуются на капризы озера, — а сам пошел побродить по берегу.

Несколько дней назад прошли обильные дожди — берег порос невысокой травой, пестрел цветами. Кричали лягушки. Давно я их не слышал. Где ж их услышишь в городе?

Закатное солнце пряталось в холодных тучах. Изредка проглядывали его лучи, загораясь огнем на мелкой ряби волн.

Расстелив плащ, я лег на траву, уставившись лицом к небу, думал: всю жизнь бегаешь, суетишься и даже не видишь неба над головой, красоты этой. И еще о чем-то думал — не помню. Потом слышу вдруг голос:

— Дядя Саша, ужинать вас зовут!

Я приподнялся. Передо мною стояла девочка лет шести-семи. Незнакомая девочка. Но у меня будто кольнуло в сердце. Где-то я видел это личико и эти глазенки.

— Правильно, меня зовут дядя Саша. А тебя?

— Меня зовут Катя.

— А папу твоего как зовут?

— Дядя Вася.

— Значит, ты Екатерина Васильевна?

— Нет, я еще маленькая и меня зовут Катя.

— Теперь все понятно. А с кем ты приехала?

— С мамой. Мы к дедушке в гости приехали. Мама сегодня ловила-ловила рыбу и ничего не поймала. И маленькой рыбки не поймала...

— А папа не захотел вам помогать? Дома остался?

Девочка вздохнула:

— Он от нас уехал. Совсем уехал.

От бестактности вопроса мне стало неловко перед девочкой. Я попытался замять этот разговор, спросил:

— И ты будешь с нами ужинать?—
А как же! Мы с мамой ужасно хотим есть.

— Маму твою как зовут?

— Рая. А фамилия наша Солнышкины.

— Умница. Все знаешь.

— Я до ста считать умею. И осенью в школу пойду. Мама мне новую форму купила.

Я поднялся:

— Ну, совсем здорово! Раз есть форма, теперь ты настоящая школьница. Пойдем, Катя!

Она доверчиво протянула мне маленькую холодную ручку, и мы по густой траве зашагали к домику. Быстро темнело. Хозяин зажег керосиновую лампу, которая казалась здесь очень яркой, и включил приемник. С комфортом устроился Петр Иванович. Позавидовать можно.

Девочка щебетала, рассказывая что-то мне, тянула за руку, чтобы я слушал. А я все пытался вспомнить, на какую Раю похожа моя маленькая спутница? Одна когда-то училась вместе со мной. Но ее я встречал в прошлом году, дочка ее не похожа на Катю. И зовут ее иначе, и фамилия другая. А еще какая Рая может быть? Не помню. Или где-нибудь в городе видел эту девочку и забыл? Нет, не в городе. Я обязательно вспомню — где видел.

— Вот еще один представитель славной гвардии рыбаков. Знакомьтесь,— сказал Иван Васильевич.— Хозяйская дочка.

Худенькая женщина, хлопотавшая у стола, протянула мне маленькую руку.

— Александр Додонов,— назвал я

себя.

Взгляд ее на секунду задержался на моем лице. Очень пристальный взгляд. Хотя пристальный — не то слово. Конечно, не то. В серых глазах ее промелькнули и радость, и испуг, и боль...

Но Рая... Рая Солнышкина... У меня не было таких знакомых. Я ее никогда не видел. Никогда. Так почему и она, и ее дочка показались мне очень-очень знакомыми? Почему?

Мы поужинали вместе. Не стану скрывать, и выпили понемножку. Иначе, что ж за рыбалка — без рыбы да еще и без рюмки водки. Рая тоже выпила стаканчик вина. Потом разговорились. Петр Иванович читал свои рыбацкие рассказы, невыдуманные рыбацкие истории, которые он записывал в толстенную тетрадь и в которых очень много было выдумки.

Катя взобралась ко мне на колени, трогала рукой небритый подбородок и спрашивала, почему я колючий. Это Иван Васильевич посоветовал мне не бриться перед рыбалкой, чтобы удача была. Я не побрился, а не помогло.

Девочка повозилась и уснула. Рая стала сокрушаться:

— Ну вот, примостилась. Давайте ее сюда.

— Пусть у меня поспит. Мы пройдемся, а она пусть поспит на руках.

— Да большая она, тяжелая.

— Вы за кого меня считаете? — пошутил я.

— Ну, раз хотите — пойдем,— ответила Рая.

Она взяла меня под руку, и мы направились поближе к воде.

Взошла луна. Через серебристую рябь «моря Сарматского» пролегала лунная дорожка. И нужно очень тесно прижаться друг к другу, чтобы двоим пройти по ней. Спутница будто догадывалась о моих мыслях — я чувствовал ее тепло и, казалось, слышал, как стучит ее сердце.

Волосы упали мне на глаза. Но я боялся тряхнуть головой, чтобы не потревожить спящую девочку. Рая догадалась, что мне мешают волосы. Она поправила их и заглянула мне в глаза:

— Может, вернемся? Давайте вернемся?

— Лучше сядем.

— Хорошо. Давайте сядем.

Лунную дорожку на середине озера пересекла темная лодка. Девушка и парень пели в два голоса:

Что ж ты не выйдешь ко мне, как прежде?

Не верит сердце, что ты ушла...

Лодка становилась едва заметной, а голоса еще доносились до нас:

Мне позабыть тебя нельзя, друг мой, услышь.

Мне слово о любви твоей былой шуршит камыш...

Я этот романс давно слышал, еще в зеленой молодости. Сейчас даже и не знаю — хороший он или плохой — забыл слова. Но тогда он мне очень нравился и сейчас больно напомнил о юности.

Лунную дорожку пересекла еще одна лодка, молчаливая. Но целым и нетронутым остался лунный след. Все так же серебрился он на ряби озера.

— Вы знаете, — сказала Рая, — мне эта дорожка напоминает любовь...

— Неверную, призрачную, зыбкую?

— Наоборот. Большую, настоящую любовь напоминает... Перебороздили дорогу две лодки, а она как серебрилась, так и серебрится. И тысячи лодок перебороздят ее — не погубят эту дорожку. Она погибнет, если только всю воду вычерпать из озера.

— А тучи закроют луну?

— Надолго ли?

— Могут и надолго.

— Все равно навсегда не закроют.

Я, старый холостяк, давно не веривший ни в какую любовь, был поражен этим сравнением. Великолепное сравнение! Разве во мне самом, в душе моей, не осталось этой зыбкой, но вечной лунной дорожки?

Я повернулся к собеседнице:

— Вы сами придумали? Она тихонько засмеялась:

— Сама.

Наконец-то я вспомнил и эти глаза, и этот голос. Я никогда не забывал, я просто не сразу вспомнил.

...Мне было восемнадцать с половиной лет. Я лежал пластом в вагоне санитарного поезда, увозившего раненых из-под Курска. Лежал в полузабытьи, совершенно равнодушный ко всему. Единственное, чего хотелось, чтобы не стучали колеса вагонов. Стук этот больно отзывался в голове, во всем теле. Вдруг слышу полусшепот:

— Додонов, кто здесь Додонов? Из полутьмы вагона в халате вышла девушка-санитарка.

— Я Додонов.

— Вася? — испуганно - радостно вскрикнула она и прикоснулась губами к моему лбу. — А я тебя сразу узнала.

У меня была забинтована вся голова. Только одним глазом смотрел, а она меня сразу узнала.

— Я тебя все время искала... Как перевели меня в санитарный поезд, все время ищу...

Я был не тем Додоновым. Но я молчал. Я, конечно, скажу, что не тот Додонов. Только не сейчас. Кто обвинит меня в обмане, во лжи, если обман, эта ложь, нужны не только мне одному? Пусть девушка хоть две минуты, хоть минуту побудет счастлива. Побудет не со мной, а с тем, кого она так хотела встретить.

— Почему молчишь? — близко-близко наклонилась она ко мне и снова прикоснулась губами ко лбу.

— Меня зовут Сашей, Александром.

Девушка слегка отшатнулась.

— А как ты похож на него! Ты не обманываешь меня?

Как мне хотелось тогда, чтобы это был обман!

Говорит, похож, а видела один глаз мой и часть лба... Хоть я был и не тот Додонов, ушла она от меня не сразу, все рассказывала мне о своем Василии.

Рая это была тогда или нет? Скорее всего, она. Мне хотелось, чтобы это была она.

...Вернулись мы часов в двена-

дцать, распрощались, и я полез чуть ли не на четвереньках в низенькую рыбацкую палатку, которая стояла рядом с домиком.

Иван Васильевич проснулся и стал бурчать:

— Ловелас старый... Это — святая женщина. Не смей обманывать ее. Во-первых, я не ловелас, ты знаешь, старик. А во-вторых, я никого никогда не обманывал. Ты тоже хорошо знаешь. И для этой святой женщины я совершенно не представляю опасности.

— Вот и обиделся. Эх, молодозелено...

Он повернулся и уснул. А я долго не мог сомкнуть глаз. «Она была это или не она? Почему не спросил? Да ведь ясно почему — боялся ее ответа. А мне хотелось, чтобы это именно была она».

Разбудил меня Иван Васильевич еще до восхода солнца:

— Собирайся, брат, надо ехать.

— Да, ехать, к сожалению, надо.

Мы быстро оделись и выползли из палатки. С хозяином попрощаться не пришлось: он давно ушел куда-то с удочками. Рая с дочерью спали в домике. Я долго смотрел на этот домик, сбитый из фанерных ящиков. Иван Васильевич догадался, о чем я думал. Усмехнулся, покачал головой:

— Влюбиться успел. Ладно, пожди.

Он постучал в дверь. И сквозь перегородку я услышал его ворчанье:

— Извини, Рая. Но лучше быть рабом плантатора, чем рабом своего друга. Я лично никогда не решился бы побеспокоить тебя.

— Я сейчас, Иван Васильевич,— слышалось за перегородкой.

Ситников подошел ко мне и закурил:

— Пойду голосовать. Как только остановлю машину, сразу беги.

Рая вышла во вчерашнем сереньком платьице, худенькая, маленькая, точно подросток.

— Вам не холодно?

— Нет.

— Прощаться хотел.

— Спасибо. Вы, пожалуйста, не

смотрите так. У меня, наверное, помятое лицо. Я плохо спала.

Лицо у нее было усталое. «Но почему и ты плохо спала? Обо мне думала? Или о том, моем однофамильце? Скорее всего, о моем однофамильце. Иначе бы ты не бросила на меня вчера взгляд, в котором промелькнули и радость, и испуг, и боль...»

Прошли две машины, но Иван Васильевич даже руки не поднял. Рая удивилась:

— Почему же он не остановил?

— Хитрый он у меня.

— Он будто старший брат ваш.

— А я разве хитрый?

— Вы еще приедете к нам? У меня отпуск до первого июля.

— Приедем.

— Буду ждать. Только в субботу приезжайте. Хорошо?

— А если во вторник, в пятницу?..

— Сашенька, вам надо ехать.

Она взяла меня под руку, и мы пошли к дороге.

— Неделя — это целая жизнь. У вас и работа и, может быть, другие свидания. Глядишь, через неделю и забудете о нашей встрече,— попыталась она шутить.

— Вы хотите, чтобы я забыл о ней?

— Нет, не хочу.

Она пожала мне руку:

— Идите, вон еще одна попутная.

Иван Васильевич остановил машину, забросил в нее удочки, сумки для рыбы, в которых сейчас, кроме банок с червями, ничего не было. Влез в кузов. Я вскочил следом, и машина тронулась.

— Больше не приедем сюда,— начал Ситников,— рыбы нет. Вот на Новотроицком водохранилище сама, говорят, на крючок лезет.

Я грустно усмехнулся. Как знать! И долго глядел туда, где таяла маленькая сиротливая фигурка.

Над темным фанерным домиком еще висела луна. И след ее через озеро тянулся в мою сторону.

